

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ
KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER AL-FARABI

*Мархабат Тоғанұлы
Тоғановтың туғанына*

80 жыл



Қазақ тіл білімі ғылымының дамуына зор үлес қосқан
көрнекті тілші-ғалым, филология ғылымдарының докторы,
профессор **МАРХАБАТ ТОМАНҰЛЫ ТОМАНОВТЫҢ**
туғанына 80 жыл толуына орай өткізілетін
«Филологияның қазіргі кезеңдегі басымдықтары: дәстүрі мен болашағы»
атты халықаралық ғылыми-теориялық конференция

Алматы, 20 ақпан 2012 жыл

Международная научно-теоретическая конференция
«Современные тренды филологии: истоки и перспективы»,
посвященная 80-летию со дня рождения
известного языковеда-тюрколога,
доктора филологических наук, профессора
ТОМАНОВА МАРХАБАТА ТОМАНОВИЧА

Алматы, 20 февраля 2012 года

International scientifically-theoretical conference
"Modern trends of philology: origins and prospects",
devoted to 80-year of birth
of the famous linguist-specialist in Turkic philology
TOMANOV MARHABAT TOMANOVICH

Almaty, February 20, 2012

II том

Ахмедьяров К. К. Казахская ментальность в философско-лирической экспликации	89
Бектурганова Г.З. Поэзия и проза в диалогах Платона	92
Джаламова Ж.Б. Диалогические контексты М.М. Пришвина в дневниках путешествия по Казахстану	95
Б.У. Джолдасбекова Влияние традиции русского реалистического романа XIX-XX веков на прозу И.П.Шухова (на примере романа «Горькая линия»)	98
Ильинова Е.Ю. Вымысел и приемы его концептуализации в художественном тексте	101
Какишева Н.Т. Мотив «странных сближений» в новелле Д.Ф.Снегина «Странные сближения, или вокруг Михайловского»	105
Мейрамгалиева Р.М. Образ героя-идеолога в художественных текстах Роллана Сейсенбаева и Смагула Елубаева	108
Мухамадиев Х.С. Колесо времени в колесе жизни	111
Сарсекеева Н.К. Поэтика реализма В.Набокова	114
Хайрушева Е.Е. «Кочевник с авиабилетом» в лирическом дискурсе Б. Канатбаева	118
Хошаева Г.Б., Нуржумаева К.А. Проблемы художественного перевода поэтического произведения	122
Asma B. Psikolojik boyutta Tolstoy'un ölüm kavramı	125
Asma B. Türk ve Rus edebiyatında var oluşculuk	128
Гасанова Лачин О некоторых вопросах современной музыкальной педагогики	131
Murshudova Ulduz Bashir The images of azerbaijani folktales	133
Алиага Джафаров. «Бакинские рукописи» эпоса «Кероглы»	136
Мамедова Малахат Юсифовна Художественное проникновение в социальную сущность человека в произведении «Дьявол из огненных пустынь» И. Эфендиева	138
Гусейнова Мелеке Эйюб кызы. Лирико-психологические описания и моральные конфликты	141
Афаг Рамазанова. «Арзу-Камбер» как любовно-романтический дастан азербайджанцев	142
Флора Намазова. Параметры оценки драматических произведений Ильяса Эфендиева	144

ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Алтынбекова О.Б. Государственный язык в законодательстве Казахстана	147
Курьшжанова А.А. К вопросу парадигмы значимых параметров при организации обучения государственному языку	151

ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Алскова Т.П., Павлова Т.В. Реализация коммуникативно-когнитивной концепции при обучении второму языку в техническом вузе	155
Аманбаева Ю.К. Содержательно-организационная характеристика активизации учебной деятельности студентов. Диагностика активности в учебной деятельности	159
Жаппар К.З. Проблемная технология обучения на занятиях русского языка	162
Зуева Н.Ю. Основные задачи культуры речи	164
Карымсакова Р.Д. Роль предписывающих типов речи в коммуникативном образовании студентов-юристов	167
Минайдарова М.Е., Аладина А.А. Инновации в языковой подготовке студентов педвуза	170
Салханова Ж.Х. Инновации в языковом образовании	172
Сулейменова С.С. Использование инновационных методов обучения на занятиях по русскому языку в вузе	175
Тлеубай Г.К. Инновационные методы обучения речевой коммуникации	179
Тлеубай Г.К., Жусанбаева А.Т. Формирование культуры чтения литературы по специальности	182
Чекина Е.Б., Капасова Д.А. Роль вопроса в формировании лингвистической и речевой компетенций при обучении научному стилю речи	185

МОТИВ «СТРАННЫХ СБЛИЖЕНИЙ» В НОВЕЛЛЕ Д.Ф.СНЕГИНА «СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ, ИЛИ ВОКРУГ МИХАЙЛОВСКОГО»

Какишева Н.Т.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г.Алматы, Казахстан

Одно из последних и необычных по структуре и содержанию произведений Дмитрия Федоровича Снегина, появившееся в печати в ноябре 1999 года, – «Странные сближения, или Вокруг Михайловского». Писатель назвал «Странные сближения...» новеллой, отталкиваясь, скорее всего, от гегелевской трактовки новеллы как «свершившегося неслыханного события» [1, 215]. Через много лет после войны он пытается понять смысл «странных происшествий», сближающих Пушкина, русский и казахский народы и его, писателя Снегина. Поэтому правильнее нам воспринимать эту небольшую по объему, но бесконечно емкую по содержанию книгу как последнюю исповедь одного из известнейших русских писателей Казахстана XX века о себе и своем времени и об отношении к Пушкину, который выступает мерилем вечных нравственных ценностей.

Сын писателя, известный казахстанский кардиохирург Дмитрий Дмитриевич Поцелуев вспоминает, что в их доме «все было пронизано памятью о Пушкине», «и всегда (Снегин) мечтал написать книгу о Пушкине» [2]. Эту мечту писатель осуществил в конце своей жизни, сказав о странностях жизни, когда, на первый взгляд, случайно происходят какие-то встречи или события. Но для самого Снегина это не случайность, а больше предопределенность: «Всегда ли странны подобного рода сближения (сопоставления... сличения)?» [3, 3]. Таким «сближением», «странным» для писателя, было прикосновение к Пушкину, соприкосновение с Пушкиным. Неслучайно именно Дмитрию Снегину было предначертано судьбой освобождать в годы войны пушкинское родовое гнездо Михайловское, а через пятьдесят пять лет память вернула его в те огненные годы, чтобы «под призмой Пушкина» вновь пережить пережитое, когда он, начальник штаба артиллерии Панфиловской дивизии, освобождал Михайловское, не применяя никакого тяжелого оружия, чтобы сохранить святые для каждого советского человека места.

«Странные сближения» становятся лейтмотивом этой необычной по архитектонике книги, где обращение писателя к читателю завершает ее сюжет:

Друг-читатель! Предложенная твоему вниманию новелла «Вокруг Михайловского» обрамлена тремя моими стихотворениями:

1. Искусство С л у ш а т ь постигал я долго...
2. Я поднимаюсь по Занебесью...
3. Как встарь, увязался за мной...

В этом треугольнике, мнится мне, и возникли странные сближения...можно сказать, будто в Бермудском треугольнике.

Дм.Снегин
Май-июнь, 1999.
Верный - Алма-Ата
[3, 64].

«Бермудским треугольником», где возможно невозможное и происходят такие «странные сближения», становится сама жизнь. Уже в первой, вступительной, части Снегин совместно с читателем, «давним и верным спутником», пытается доказать истинность формулы «странные сближения», которое, как известно, принадлежит «принадлежит Гению» [3, 5], то есть самому Александру Сергеевичу Пушкину, поэтому для писателя это аксиома: «Значит, тому и быть» [3, 5].

Снегин с самого начала повествования как рефрен повторяет мысль о странностях жизни, когда, на первый взгляд, случайно происходят какие-то встречи или события, он уверяет себя и читателя, что это «судьбой предначертано», и признается, что он «...суверен, и непредсказуемая, но целенаправленная энергия вселенского Хаоса влияет (на него), как возмущение магнитных бурь» [3,11]. Поэтому наряду с желанием вспомнить «о псковской деревне матери Поэта», в освобождении которой от фашистов писатель «принимал участие лично», выступает другая тема, ставшая лейтмотивом всего этого сложного мемуарно-эссеистского повествования (определение Э.Джилкибаева) – «парадоксальные сближения» Снегина с Пушкиным: «... дай Бог, приблизиться к странным сближениям, влекущим меня в Михайловское». Этот лейтмотив – «странные сближения» – получает далее различные вариации, главная из которых – мотив соприкосновения Снегина с Пушкиным: он, как и Аполлон Григорьев, верует в то, что «Пушкин – это наше все». Снегин вспоминает слова Жуковского о Пушкине: «это надежда нашей словесности» [3,12]. Подспудно начинает звучать тема, личная для Снегина, поэта и русского человека, – «Мой Пушкин», что

позволяет нам соотнести ее с цветаевской трактовкой: А.С. Пушкин для многих людей снегинского поколения был символом России, Родины. Снегин наполняет имя Пушкина особым смыслом, особыми эмоциональными ассоциациями, подчеркивая, что для него А.С. Пушкин – не только «творческое сочувствие», как для Марины Цветаевой, а «наше все».

Снегинское повествование переносится вслед за развитием основного мотива в другую временную плоскость: «Я часто перечитываю это святое пророчество и всякий раз с т р а н н ы е с б л и ж е н и я плавно и ласково перосят меня в счастливое, невозвратное детство» [3, 12]. Появляется сюжетная линия, в котором ведущим становится мотив присутствия Пушкина в снегинском детстве: Снегин вспоминает своих дедушек по линии матери и отца. Которые владели грамотой, особо чтит книгу, и рассказывает о том, что у его деда по матери на противоположной от иконостаса стене висели портреты Пушкина, Карамзина, Жуковского и Багратиона в изящных золоченых рамах 1817 года, которые в годы репрессий были сожжены. И в этом сюжете мотив «странных сближений» получает неожиданную трактовку: «...сожгли же пушкинское Михайловское нацистские захватчики, причислившие себя к высшей расе человечества. Понимаю, наивные, сколь и странные же, сближения, но что-то в них есть...есть!» [3, 13]. Особая интонация доверия, удивления и радости по поводу такого «открытия» создается при помощи особой лексики, необычной для художественной речи синтаксической конструкции, осложненной обилием знаков препинания, повторов и т.п.

Следующее «странное сближение» с Пушкиным Снегин видит в том, что именно ему было предначертано судьбой освобождать в годы войны пушкинское родовое гнездо – село Михайловское: «Я был там. Одна из огненных страниц моей жизни. К тому же парадоксальные сближения в чем-то сродни событиям, в которых принимал участие лично. Мне это помогает написать задуманное более удачно» [3, 5]. Память помогает Снегину восстанавливать, «реконструировать» такие «сближения» при помощи приема сопоставления тех или иных фактов, имевших место в жизни реального человека Поцелуева: «Дом знаменитого семиреченского садовника Никиты Трофимовича Моисеева, поставившего к императорскому столу удивившие мир яблоки – верненский апорт, напоминал мне дом, в котором жил Пушкин в родовом имении, будучи в изгнании. Я видел его на картинке с мудреным названием «Литография Г. Александрова. 1837» [3, 17]. Это воспоминание из детства: Снегин хорошо знал просторный дом в старой части Верного верненского сада, одного из создателей знаменитого апорта Никиты Трофимовича Моисеева, потому что дома Никиты Моисеева и отца Снегина Поцелуева Дмитрия Федоровича стояли друг против друга. А мать Снегина была крестной матерью сына Моисеева.

В следующем сюжете «соприкосновение» Снегина с Пушкиным получает логическое продолжение: «Вернусь в детство, в апрель 1924... Я любил сладости, которых вы не едали и едва ли когда-нибудь увидите издали. Тогда в Алма-Ате проживало много китайцев. Одни чинили фарфоровую и гончарную посуду, мастерили из разноцветной бумаги складные фонарики для свечей...

Другие китайцы торговали с передвижных лотков до чиха наперченными и наукусенными ашлянфузами, лагманами, их можно было есть при помощи двух деревянных палочек; третьи – с тех же, похожих на ручные тачки, лотков за гроши ублажали детвору медом. Мед был необыкновенный, приготовленный из риса и Бог весть каких специй. «И-есть-бела-риса-меда!» – до сих пор поет во мне сладкий призыв. Мы протягивали продавцу ладони с медяками и ответно получали похожие на халву желтые и хрупкие как льдинки, кусочки меда, завернутые в страницы разорванной на наших глазах старинной книги.

Я никогда не бросал обертку, не прочитав ее от буквы до буквы. Грамотей же!.. Однажды, наладившись дольками, густо обсыпанными маком, я разгладил лист и увидел стихи. Ни начала, ни конца, но сердце почему-то застучало в ритм строкам.

Недаром вы приснились мне В бою с обритыми главами, С окровавленными мечами Во рвах, на башне, на стене.

Блаженны падшие в сраженье: Теперь они вошли в эдем И потонули в наслажденье, Не отравляемом ничем.

«Недаром вы приснились мне»... я тогда не мог знать – по возрасту, но прежде по своей провинциальной необразованности, – как называется вещь, кто сотворил эти скорбно-ликующие строки, но все в них пленяло алмазно сверкающей и совершенно незнакомой мне жизнью...» [3, 26].

Двенадцатилетний Поцелуев, будущий поэт и писатель Снегин, долго хранит в памяти эти неизвестные ему стихи, обозначенные римской цифрой VI. Позже на фронте Снегин восстанавливает их по памяти, переписывает их хранит в своей полевой сумке. Вернувшись в Алма-Ату из Святогорья в апреле 1944 года, узнает, что «те стихи под римской цифрой VI – фрагмент из «Подражаний Корану» [4, 28]. Состоялось «открытие» и еще одно «странное сближение, соприкосновение» с Пушкиным.

Для Снегина важно, что Пушкин, воплотивший в себе со всей полнотой русское национальное начало, в то же время был чрезвычайно восприимчив к иным национальным мирам и культурам. Пушкин, как никто другой, умеет художественно перевоплощаться в человека иной национальности, говорить как бы от его имени, достоверно передавать характерные особенности чужого национального мира, в том числе и восточного мира. Современники называли это свойство пушкинского таланта «протеизмом» (по имени героя античного мифа Протея - вешего старца, способного превращаться в любое существо). Достоевский говорил в своей «Речи о Пушкине» о «всемирной отзывчивости» поэта. Знаковым является и то, что в тиши дома, в одиночестве Пушкин создает именно эти «восточные» стихи.

Нужно отметить своеобразный «западно-восточный художественный синтез», реализованный в этом цикле. Реалистически перевоплощаясь в пророка Мухаммеда (реально существовавшую историческую личность), а в некоторых Подражаниях даже говоря «от имени» самого Аллаха, Пушкин - русский поэт доказывает всечеловеческое единство отношений Человека с Миром. Эту традицию продолжал в своем творчестве на протяжении всей своей долгой жизни русский писатель Казахстана Дмитрий Федорович Снегин, видевший в таком «странном сближении» особый смысл.

Очередное «странное сближение» Снегина и Пушкина происходит в сюжете об освобождении Михайловского и его окрестностей. Панфиловская дивизия (которая была сформирована под Алма-Атой, и в этом Снегин видит «странное сближение») готовится к бою, форсирует реку Великую, закрепилась на пушкинском побережье. У Дмитрия Поцелуева, начальника штаба артиллерии Панфиловской дивизии, цель: сохранить каждую пядь пушкинской земли. Ведущим в этом сюжетном отрывке становится описание событий, связанных со спасением великого Поэта, в котором главную роль сыграли солдаты и офицеры Панфиловской дивизии, казахстанцы самых разных национальностей, и именно это «свершившееся, неслыханное событие» навечно сблизило Снегина с Михайловским и с Пушкиным.

Снегин через много лет передает происходившее в апреле 1944 года фактографически точно, достоверно, как действо, случившееся в недавнем прошлом, вводит свидетельства своих товарищей, рассказывает о мужестве простых солдат, медсестер, голыми руками сломивших сопротивление эсэсовцев, отборных воинов фашистского вермахта. Символически значимо в этом контексте его стихотворение «У реки Великой два кургана...», в котором он повествует о поистине героическом поведении солдат бою за эти безымянные, но святые для каждого высоты.

Мотив «странных сближений» находит кульминационное завершение в трех стихотворениях Снегина, составивших, по замыслу писателя, углы (вершины) треугольника. В первом Снегину-художнику становится доступной пушкинская мудрость: «Искусство Слушать постигал я долго...». В следующем - «Я поднимусь по Занебесью...» Снегин возвращается к теме памяти, ответственности за содеянное, тесно связанной с лейтмотивом. В Занебесье, в никем не познанной Сини Божий Сын берет на себя бремя ответственности за содеянное на земле. А в третьем философская тема Добра и Зла, тема демонизма получает иную, чем у Пушкина и Лермонтова, интерпретацию: Маг Смуты, Демон, Мефистофель «в наш век» лишен прежних дерзаний, силы. Но Снегину-поэту и писателю тревожно от предчувствия:

... а вдруг возвратится к Нему
Мошь Духа? И зыкнет: «Восстань!»
И Он переложит на Тьму
(Во мне затаенную Тьму)
Святую свою Окаянь?! [3, 58].
И вновь повторившийся мотив завершает сюжет:
И сам я не так уж сметлив,
Вкусив Твоей страсти сполна,
И *странных сближений* мотив
Размыла разлуки волна [3, 58].

Как известно, в Бермудском треугольнике таинственно и бесследно исчезает все материальное, а снегинский «треугольник» основан на памяти человеческой, которая сохраняет все доброе, высокое, сближает поэтов, народы, прошедшее и будущее, поэтому он сакрален.

Литература

1. Эккертман И.-П. Разговоры с Гете / перевод Наталии Ман. - М.: Художественная литература, 1981. - 687 с.
2. Валуиская Н. Поэты живут на Луне / Литературная газета Казахстана. - 18.04.2008.
3. Снегин Д. Странные сближения, или вокруг Михайловского. - Алматы: Жібек жолы, 1999. - 64 с.